

Сергей АБАШИН

РАЗМЫШЛЕНИЯ

О “ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ”

Взяв в руки новую книгу,¹ на которую затратил много сил и времени в качестве редактора и автора, я испытывал двойственные чувства. С одной стороны, было приятно видеть результат своего труда, который так качественно материализовался и теперь стал жить своей собственной жизнью. С другой стороны, у меня было чувство, что многое из того, что хотелось бы, не удалось сделать, и труд оказался не совсем удовлетворительным. Просьба редакции журнала *Ab Imperio* написать “последумье” ещё раз подняла во мне все эти первоначальные противоречивые ощущения и дала повод изложить их на бумаге.

Работа над томом о колониальной Центральной Азии в качестве основного редактора и автора поставила передо мной много вопросов, на которые я так и не смог найти ответ или, точнее, которые заставили меня задуматься об истории региона и России, о методологии и историографии. Некоторые эти вопросы я постараюсь сформулировать, может быть немного сумбурно, в этом тексте.

¹ Центральная Азия в составе Российской империи / Под ред. С. Н. Абашина, Д. Ю. Арапова, Н. Е. Бекмахановой. Москва: НЛЮ, 2008.

Неудача?

Вопрос о том, что не удалось сделать в томе “Центральная Азия в составе Российской империи” и почему, связан с вопросом, насколько указанный том гармонирует с другими книгами из серии “Окраины Российской империи”, какова сверхзадача этой серии в целом и была ли она достигнута.

Сравнивая, я убедился в том, что книги об “окраинах” написаны весьма по-разному, в разном стиле, с разной структурой, с акцентами на разные сюжеты. Дело даже не в том, что в одних избран хронологический порядок изложения, а в других – скорее тематический, или что, например, в каждом томе по-своему построен порядок и масштаб ссылок. Заинтересованный читатель наверняка удивится, почему только в томе о Центральной Азии излагается история региона с глубокой древности, почему так мало говорится о завоевании и освоении Сибири до XVIII века, почему в томе о Западных окраинах об экономике и культуре сказано крайне скупо, почему в томах о Северном Кавказе и Центральной Азии разное по объёму внимание уделено вроде бы общему сюжету – ориентализму. Всё это сразу бросается в глаза, а при внимательном чтении этих несоответствий в серии можно обнаружить и больше.

Идея сопоставить окраины между собой по какому-то единому плану, по единому списку проблем – если такая идея действительно была – явно не получила достаточно удачного воплощения. Конечно, это во многом результат разной квалификации, разных интересов редакторов и авторов, других важных и неважных деталей, из которых складывается любая книга как “продукт”. Но всё-таки существует более фундаментальный фактор, который объясняет, почему тома серии оказались такими разными, почему видение проблематики в них оказалось различным.

Когда я говорю о неудаче, то скорее имею в виду неудачу воплощения главного замысла всей серии, а не то, что серия была плохо задумана и подготовлена, оказалась неинтересной и бесполезной. Замысел, как было заявлено от имени редколлегии, состоял в том, чтобы преодолеть конфликт между имперским и национальным нарративами об истории Российской империи и написать о “сложной ткани взаимодействия имперских властей и местных сообществ”.² На мой взгляд, эта ясная

² От редколлегии серии // Западные окраины Российской империи / Под ред. М. Долбилова, А. Миллера. Москва: НЛЮ, 2006. С. 5. Этот текст был воспроизведён во всех томах.

и правильно поставленная задача не была выполнена во всех томах в равной мере.

Начну с национального нарратива. Во многом пафос серии (в том числе книги о Центральной Азии) заключался в том, чтобы дистанцироваться от национальных проекций в прошлое региона, преодолеть современные национальные рамки, которые диктуют односторонний и порой однозначный взгляд на историю Российской империи, по сути подменяя её историей современных национальных государств (формирующихся, борющихся, сопротивляющихся, побеждающих).³ Однако, как я думаю, заявленный план описания каждой “окраины” по отдельности не снимает вопрос о национальном нарративе, а лишь прячет его в новые – региональные, “окраинные” – формы. Не буду говорить о других книгах, но то же понятие “Центральная Азия”⁴ – очевидная проекция в прошлое реалий сегодняшнего дня, в котором “Казахстан” и “Средняя Азия” (Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) обязательно существуют как неразрывное единство в границах, установленных в советское время.

Не было никогда в Российской империи окраины под названием “Центральная Азия”, которая имела бы какой-то собственный план управления! Пожалуй, наиболее красноречивый факт – то, что закаспийские территории (ныне относящиеся в основном к Туркменистану) подчинялись с момента своего завоевания в начале 1870-х гг. главнокомандующему Кавказской армии и наместнику Кавказа; в 1890 г. Закаспийская область была переподчинена непосредственно военному министру и только в 1899 г. она вошла в состав Туркестанского края, причём сохранив многие особенности прежнего, “кавказского”, управления, а также довольно тесные (и человеческие, и административные) связи с Кавказом. Если уж говорить строго, для второй половины XIX века эта часть “Центральной Азии” должна была бы, наверное, описываться в несуществующем томе “Закавказье в составе Российской империи”, во всяком случае на протяжении почти двадцати лет все решения по этому региону формировались в кавказских ведомствах.

Или ещё один пример. Западные территории степных районов, где жили казахи, во второй половине XVIII и первой половине XIX вв.

³ В число этих “национальных государств” входит и современная Россия, хотя сегодня всё ещё продолжают дискуссии о её национальной, имперской или какой-то другой природе.

⁴ Особый разговор – само понятие “Центральная Азия” и его удачность с точки зрения истории самого этого термина в российской традиции.

существовали как части Оренбургского генерал-губернаторства, тогда как восточные территории в первой половине XIX в. принадлежали к Западно-Сибирскому генерал-губернаторству (я сейчас не вникаю в подробности многочисленных административных реформ). Если мы нарисуем карту Российской империи, скажем, на 1830-е гг., то выяснится, что некоторые части, которые мы сейчас описываем как “центральноазиатские”, относились бы к тому о “Сибири в составе Российской империи” и несуществующему тому о “Поволжье и Южном Урале в составе Российской империи”. Степь приобрела целостность лишь в 1882 г., когда было создано отдельное Степное генерал-губернаторство с центром в ныне российском городе Омске (!). В начале XX в. обсуждались проекты ликвидации Степного края и объединения его восточных территорий с другими сибирскими областями, Тобольской и Томской, либо даже создание большого Сибирского генерал-губернаторства с включением в него степных областей.⁵

Другими словами, правильнее было бы смотреть на отдельные регионы “Центральной Азии” из Оренбурга, из Омска, из Тбилиси (Тифлиса!), но именно логика национального нарратива, уже распределившего территории по заданным ячейкам, не позволила это сделать.⁶

Я хочу обратить ещё внимание на то, что, кроме проблемы границ тех “окраин”, которые мы рисуем, есть проблема разной “плотности” и разного характера их отношений с условным “центром”. Здесь тоже, на мой взгляд, присутствует логика национального взгляда на историю.

При всей, казалось бы, своей обширности Центральная Азия представляла явно второстепенный интерес для петербургской элиты по сравнению с остальными “окраинами”. Завоевание Кокандского ханства и победы над Бухарой и Хивой были в значительной мере случайными – регион, раздираемый междоусобными войнами, буквально “валялся под ногами”, а российские генералы жаждали военной славы после унижительного поражения в Крымской войне. Образованный Туркестанский край и протектораты не приносили каких-то значимых выгод и доходов (выгоды от развития хлопка стали ощущаться лишь в

⁵ Сибирь в составе Российской империи / Под ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнёв. Москва, 2007. С. 141-145.

⁶ Та же логика национального нарратива вынуждает многих авторов серии пользоваться современной номенклатурой национальностей, далеко не во всех случаях при этом указывается на то, что сама эта номенклатура в эпоху империи только формировалась и находилась в процессе обсуждения.

последнее десятилетие существования империи), наоборот, с ним были связаны бюджетные расходы, которые вызывали постоянные споры между центральными и местными администрациями.

Вначале экспансия Российской империи на новые земли вызвала энтузиазм и внимание в российском обществе как пример, о чём писал в своём дневнике Ф. Достоевский, особой цивилизующей (“европейской”) миссии России в Азии. Герои среднеазиатских битв – М. Черняев и М. Скобелев – пользовались огромной популярностью и обрастали легендами, готовясь к общественной канонизации в боях с турками на Балканах. Фигура могущественного К. Кауфмана, близкого к Александру II человека, символизировала важность нового приобретения. Однако позже туркестанские генерал-губернаторы,⁷ которые постоянно менялись, были весьма малозначительными и маловлиятельными при императорском дворе. Интерес публики тоже охладел – после В. Верещагина там не было ни известных художников, ни писателей. Ничего похожего на ту важную роль, которую играл для Российской империи, например, сравнительно небольшой Кавказ (поэтому раздел об ориентализме в этом регионе неизбежно должен быть полнее, чем в Центральной Азии). Российское общество и российская власть словно забыли о Центральной Азии и редко вспоминали о ней как об экзотической окраине с руинами мавзолеев и минаретов.

Налицо парадоксальная ситуация – регион, который делал Российскую империю похожей на европейские державы, был мало интересен метрополии, воспринимался как обуза, с которой непонятно что было делать. Если Поволжье и Сибирь, а потом даже и Кавказ (добавлю – Крым), населённые нерусскими народами, тем не менее превращались постепенно в Россию и, как считали русские националисты, в “русские земли”, то Центральная Азия, особенно её оседлые районы, в таком качестве выглядела в глазах современников весьма сомнительно. Лишь за пять лет до падения империи А. Кривошеин провозгласил цель создания “русского” Туркестана, предлагая переселить в регион миллионы славян.

В серии об “окраинах” эта “плотность” становится невидимой, неравнозначность “окраин” и различия в отношении к ним властей и общества в Российской империи исчезают. Пропадает какой-то важный компонент в анализе имперской политики. Северный Кавказ, Центральная Азия, Сибирь и Западные окраины приобретают равный

⁷ То же в ещё большей степени относится к администрации областей Степного края.

“вес”, воспроизводя всю ту же национальную логику, в которой регионы (многие из них – будущие “национальные государства”), какими бы маленькими они ни были, одинаковы по своему формальному статусу и должны быть единообразно представлены читателю. В связи с этим, кстати, получается неожиданный эффект, когда существование отдельного тома о Сибири отделяет этот регион от метрополии наравне с “национальными окраинами”, даже если авторы пытаются объяснить, как Сибирь стала Россией.

Вторая, ещё более очевидная неудача, – попытка преодолеть имперский нарратив, который, как было заявлено редколлегией, “неизменно фокусировался на центре, на государстве, на власти”. Желая продемонстрировать свой отказ от этой прежней традиции рассказа о Российской империи, организаторы логично решили не включать в серию отдельный том о “метрополии”. Но что получилось в результате? “Центр” вроде бы скрыт от взора читателя, но во всех томах он всё равно присутствует – всё повествование чаще всего ведётся с позиции наблюдателя, который находится за пределами региона. Действующими персонажами являются чаще всего императоры, министры, общественные деятели и учёные из российских столиц, т.е. те, кто приезжает или просто смотрит на “окраины” из центра. Многие авторы, подробно излагая проекты, мнения и споры этих людей, вольно или невольно отождествляются с ними и сами занимают ту же позицию “центра”, оценивая результаты их деятельности с точки зрения интересов “центра”.

Правда, в серии мы имеем дело как будто бы с разными “центрами”, даже когда речь идёт об одних и тех же людях и имперских ведомствах. В каждой книге “центр” смотрит только на данную “окраину”, думает только о ней. Мы не видим, как взор чиновника перемещается с одной “окраины” на другую,⁸ как они сравниваются между собой, какие выстраиваются приоритеты, как опыт, идеи и образы из одного региона перемещаются в другой. Иными словами, отказавшись открыто говорить о “центре”, участники проекта потеряли важную перспективу исследования – и при этом вовсе не избавились от имперского нарратива.

Итак, чтобы усложнить понимание империи, было предложено более пристально взглянуть на “окраины” и даже попытаться посмотреть на Российскую империю из “окраины”, но для понимания более целостной картины пришлось всё равно возвращаться в “центр” и как

⁸ Только в книге о Северном Кавказе появляется маленький раздел, где сравниваются местные системы управления с туркестанскими.

бы украдкой смотреть оттуда на тот или иной регион. И этот ракурс, сколько бы ни провозглашалась “новая история империи”, по-прежнему если не сохраняет привкус приукрашивания и оправдания империи, то во всяком случае ведёт к игнорированию множества пластов и тем, невидимых из “центра”. Неизбежное и даже необходимое возвращение в “центр” вновь воспроизводит напряжение и даже конфликт между разными точками зрения. Автор, смотрящий и говорящий из “центра”, по-прежнему пытается занять доминирующую позицию по отношению к “окраинам” (в лице национальных и региональных историографий⁹). Читатель, который находится за пределами “центра”, воспринимает это как старую имперскую традицию, пусть и закамуфлированную критикой “имперского нарратива”.

Наличие такой странной смеси (с одной стороны, нерелексивное использование в текстах и структуре конкретных томов противоречащих друг другу логик национального и имперского нарративов, с другой стороны, замечательная программная критика в адрес этих нарративов со стороны вдохновителей серии) и есть, как я думаю, настоящая причина того, что серия в целом производит впечатление иногда несоразмерности, иногда эклектичности. Редакторы и авторы вынуждены были искать компромисс между различными задачами и ориентировались на разные концептуальные рамки, в результате чего попытка писать об “окраинах” по одному замыслу оказалась, на мой взгляд, неудовлетворительной.

Что не получилось?

От общей методологии серии я теперь обращаюсь к вопросу о том, что наш том “Центральная Азия в составе Российской империи” пропустил и проигнорировал.

Какие темы, на мой взгляд, оказались плохо представленными? Выявился очевидный в общем-то факт, что начальный период освоения Туркестана (особенно эпоха Кауфмана, Черняева, т.е. почти два десятилетия из пяти) изучена и освещена гораздо полнее, чем более поздние времена. Мы относительно хорошо знаем события, биографии людей, проекты, дебаты 1860–1880-х и, может быть, 1890-х гг., но гораздо хуже – 1900–1910-е гг. Это касается и степных районов – конец XVIII и первая половина XIX вв. изучены более или менее подробно, а вот

⁹ Хотя не могу не заметить, что этим историографиям “предоставлено слово” в приложениях.

что касается Степного края в конце XIX и начале XX вв., то информация становится крайне скудной и концентрируется вокруг нескольких важных, но узких тем – переселенческой политики и возникновения казахского национального движения. Даже восстановить имена поздних генерал-губернаторов региона стало проблемой – в предшествующей литературе о них практически ничего не говорилось.

Другими словами, мы чаще всего судим о состоянии дел в момент, когда события разворачиваются, когда колонизаторы полны планов и энтузиазма, и на этом основании делаем выводы о колониальном периоде в целом. Конечно, в этом тоже есть свой смысл. Первоначальные поиски и действия как бы сохраняются во всех дальнейших событиях, существует сильная инерция однажды принятых решений, авторитет первоустроителей явно довлеет над последующими поколениями политиков и они уже не решаются на резкие перемены, иногда даже как будто боятся их. У первых колонизаторов были больше развязаны руки, последние были связаны по рукам и ногам множеством условий и условностей.

Надо принимать также во внимание, что с течением времени увеличивались информационные потоки (взаимообмен разного рода документами¹⁰), усложнялись колониальные структуры управления и взаимоотношения между различными акторами, само присутствие империи в регионе как бы приобрело большую “массу”, да и сам регион демографически, экономически увеличивал свой “вес”, всё труднее становилось его разворачивать в ту или другую сторону решениями отдельных, пусть даже самых способных администраторов. Как правильно представить такое неравномерное распределение исторического времени в исследовании, в тексте? Говоря об одних периодах, мы уделяем много внимания деталям, в то время как о других периодах приходится писать конспективно, чтобы охватить все события.

Время играет с нами ещё одну злую шутку. Мы смотрим на прошлое, зная, что произошло потом, вольно или невольно реконструируем прошлое так, словно будущее уже в нём заложено. Поэтому не очень влиятельные в начале XX в. джаиды (реформаторы-мусульмане) превращаются в главный объект нашего внимания, тогда как другие слои местного общества – консервативные религиозные деятели, местная традиционная (родовая, сословная) элита и буржуазия – по-прежнему остаются вне поля нашего зрения. Причина ясна – последние, в отличие

¹⁰ Косвенно это отражается и в том объёме источников, которые характеризуют ту или иную эпоху.

от джадидов, сыграли менее, как кажется, значительную роль после революции 1917 года. Или другой пример: в книге о Центральной Азии довольно подробно говорится о русско-туземных и новометодных (джадидских) школах, о конкурирующих проектах преобразований в Туркестане – имперском и националистическом. Между тем, 9/10 всех учеников учились в традиционных старометодных школах, которые оказывали гораздо более сильное влияние на мировоззрение местного населения. Однако наш интерес к имперским и национальным проектам не позволяет сконцентрироваться на чём-то, что выпадает из нашего взгляда.

Изменение “будущего” (распад СССР и создание национальных государств) меняет, соответственно, и прошлое. В советское время историками большое внимание, например, уделялось революции 1905 года и разного рода социалистическим оппозиционным группам в регионе. Сегодня от этой темы исследователи почти полностью отказались, отдав предпочтение изучению либо имперской власти, либо местного национального движения.

Список пробелов можно продолжить. Мы видим, что пространство Центральной Азии тоже изучено неравномерно. Книга попыталась соблюсти некий баланс между Туркестанским краем и Степным краем, хотя первый существовал в составе России около 50 лет, а территория второго – 100–150 лет! В самом Туркестане есть свои “окраины”, которые по-прежнему изучены хуже. Об истории колониального Ташкента мы знаем больше, чем об истории областных и уездных городов. Закаспийская область привлекает исследователей меньше, чем остальные регионы. Мы всё ещё недостаточно хорошо знаем о Бухарском и особенно Хивинском протекторате, мы имеем мало исследований по “Кульджинскому вопросу” и по Памиру,¹¹ мы располагаем очень скудной информацией по Амударьинскому отделу.

Наша оптика пока ещё очень слабая – мы не различаем локальную историю, предпочитая видеть картину в целом. У нас совершенно отсутствуют исследования по микроистории – мы плохо знаем, как реально функционировали местные суды, как осуществлялась деятельность низовой администрации, как разворачивалась в регионе образовательная и особенно медицинская деятельность, как жили городские семьи служащих и рабочих и т.д.

¹¹ К слову, мы относительно неплохо знаем историю “большой игры” между русскими и англичанами, но гораздо хуже – историю отношений Российской империи с Китаем и с Персией.

Перечислять пробелы можно довольно долго. Интересно задать вопрос, какие обстоятельства вынуждают нас так, а не иначе видеть регион. Я бы разделил два вопроса: первый – специфика самого региона, второй – специфика истории изучения региона. По этому поводу довольно подробно уже высказалась Светлана Горшенина в *Ab Imperio*, но я позволю себе повторить, пересказать своими словами и кое-где развить её мысли.¹²

Причина – специфика региона?

Пробелы, о которых я говорил, объясняются во многом спецификой Центральной Азии, которая отличает регион от Западных окраин, Сибири и Северного Кавказа. Это, конечно, география – не в смысле физико-климатических особенностей или удалённости от Санкт-Петербурга (Дальний Восток был намного удалёнее), а в смысле некоторого типа – дальше находились исключительно горные и степные регионы, малопригодные для экономического освоения, административного и военного контроля, развития коммуникаций.

Другая специфика – наличие большой (и быстро растущей) массы жителей со своим особым, мусульманским в основе, укладом жизни, своей сильной культурной традицией, которой невозможно было предложить какую-то эффективную форму аккультурации и ассимиляции. У России, разумеется, был к этому времени значительный опыт взаимодействия с исламом как культурой и социальной практикой, но в данном случае речь шла о новом масштабе такого взаимодействия – и у России не было достаточных ресурсов для интервенции в центральноазиатское общество. Между колонизаторами, как чиновниками, так и переселенцами, и местным населением сохранялась довольно существенная культурная и языковая дистанция, что накладывало отпечаток на всю практику управления окраиной.

Существенная специфика региона состояла в том, что оседлая часть Центральной Азии (я сейчас не говорю о казахских степях¹³) присоединилась к Российской империи на самом позднем этапе её

¹² С. Горшенина. Извечна ли маргинальность русского колониального Туркестана, или войдёт ли постсоветская Средняя Азия в область post-исследований // *Ab Imperio*. 2007. № 2. С. 209-258.

¹³ Я бы вообще поставил под сомнение необходимость “географического” объединения проблематики Туркестана и Степного края под очень неопределённым заглавием “Центральная Азия” (см. выше).

существования. Это было последнее значительное завоевание русских царей в момент, когда империя после реформ 1860-х гг. сама вступила в новую стадию своего развития или, если выразаться более современно, выбрала новый язык самоописания и самопрезентации. Это обусловило ряд существенных отличий Центральной Азии от остальных “окраин”.

Во-первых, количество проектов, разного рода решений, действий и событий, которые касались других “окраин”, на порядок превышает то, что успело произойти в Туркестане. Эти величины несопоставимы, поэтому в книгах о Западных окраинах или Сибири многие важные документы только упоминаются, тогда как в книге о Центральной Азии похожие законы подробно излагаются.

Во-вторых, Россия приходила в тот же Туркестан, учитывая и заимствуя опыт управления из других регионов (Сибирь, Кавказ, Степь) или из других империй (Великобритания, Франция). Центральная Азия, следовательно, не столько была полигоном для создания колониального опыта, сколько местом, где уже имеющийся у империи опыт осуществлялся.

В-третьих, Россия успела создать множество различных проектов освоения региона, но далеко не все эти проекты были реализованы или остались в стадии реализации. Мы не знаем точно, чем закончились бы многие запланированные и уже происходящие реформы, если бы не война и революция, которые случились не в самой Центральной Азии, а далеко за её пределами.

Центральная Азия представляет собой, таким образом, довольно уникальный случай в Российской империи (хотя каждая окраина обладает своими уникальными чертами). По целому ряду параметров – дистанция между колонизаторами и колонизируемыми, сохранение элементов косвенного управления, военный характер управления, экономическая эксплуатация региона – это была наиболее типичная колония, которая подчёркивала классический характер Российской империи в смысле её сходства, допустим, с присутствием Британии в Индии или Франции в Северной Африке. Но одновременно эти колониальные особенности не приобрели законченный вид, и империя применительно к Центральной Азии не реализовала, на мой взгляд, полностью свой имперский характер или реализовала его гораздо слабее, чем в других окраинах России, где таких изначальных резких различий между колонизаторами и колонизируемыми не было.

...Или особенности историографии?

Специфика изучения той или иной “окраины” – другой важный и даже иногда первостепенный вопрос. Начну с того, что изучение колониальной Центральной Азии до недавнего времени было гораздо менее популярным, чем изучение, например, истории Польши или Украины. Обобщающих работ по региону очень немного, а труд востоковеда В. Бартольда “История культурной жизни Туркестана”, опубликованный ещё в 1927 г. (!), до сих пор остаётся одним из наиболее полных и информативных примеров для подражания. Каждая новая написанная книга или статья заметно меняет объём наших знаний о регионе, что должно удерживать любого исследователя от поспешных обобщений. Но, кроме проблемы недостатка исследований, существует проблема серьёзных противоречий между различными традициями в изучении региона.

Как я уже упоминал, в своём вступительном слове редколлегия серии противопоставила две точки зрения – имперский нарратив и национальный. Это верно для всех томов, может быть исключая Сибирь. Вопрос лишь в том, каков баланс между двумя нарративами в случае с каждым регионом, каково соотношение сил между сторонниками различных подходов, какие позиции они занимают в научной иерархии. Я могу сказать, что в Центральной Азии национальный нарратив влиятелен внутри своих государств, но за их рамками чаще всего выглядит архаичным и слишком идеологизированным. Российские исследования центральноазиатского региона сильно ослабли, но в них скорее доминирует имперский нарратив. При этом парадокс состоит в том, что внутри самой Центральной Азии имперский нарратив сохранил довольно сильные позиции как среди русскоязычных (порой достаточно влиятельных) учёных, так и среди некоторых представителей “местной”¹⁴ научной элиты, которые критически относятся к националистической риторике.

Однако, кроме разделения на “империалистов” и “националистов”, мировая историография Центральной Азии вместе с Кавказом имеют ещё одно серьёзное подразделение по дисциплинарному признаку. Историей здесь занимаются, с одной стороны, “русисты”, специалисты по России, с другой стороны – востоковеды, специалисты по

¹⁴ Я, конечно, в данном случае очень условно употребляю слово “местный”.

Среднему Востоку и исламу.¹⁵ Это отличает регион, допустим, от Сибири, где доминирует российскоцентричный взгляд (и вопрос о “коренных” народах явно оказался в маргинальном положении), или от Польши или Украины, которые, несмотря на существование своей “национальной” истории, остаются в рамках общего “славистского” (и шире – европейского) поля дебатов и единого дисциплинарного пространства.

Долгое время в изучении Центральной Азии безраздельно доминировали русисты (часто в советологическом исполнении). Сегодня, когда регион “возвращается” в Средний Восток и мусульманский мир, востоковедческий взгляд на регион становится всё более влиятельным, что предопределяет направление многих дискуссий. Эта перемена, наверное, наиболее ярко отразилась в рецензиях на книгу Роберта Круза (*Robert Crews*) “За Пророка и Царя”, одной из основных претензий к которой был именно российскоцентричный взгляд на положение ислама в Российской империи.¹⁶

Противоречия между русистами и востоковедами неизбежны. Первые, как правило, не знают местных языков и опираются главным образом на российские архивы, смотрят на историю региона глазами российских чиновников, путешественников и учёных, игнорируя при этом местных жителей как активных и самостоятельных акторов в жизни империи. Вторые, наоборот, относятся к российским источникам с законным недоверием и предпочитают иметь дело с источниками на “местных” языках, соответственно, их больше (а иногда исключительно) интересуют те мысли и практики, которые существовали вне российского контроля и российской интерпретации.

Казалось бы, эти два подхода должны дополнять друг друга. Но, кроме языковой, существует ещё проблема дисциплинарного непонимания – русисты и востоковеды по-разному формулируют свои вопросы и темы, а порой даже публикуются в разных журналах и участвуют в разных конференциях. Для русистов история Центральной Азии – это эпизод в истории Российской империи, для востоковедов же скорее

¹⁵ Я не обсуждаю сейчас вопрос о том, как сказывается на изучении региона столкновение разных “национальных” школ – узбекской, таджикской и т.д., которые также по-разному оценивают роль Российской империи.

¹⁶ Robert D. Crews. *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Cambridge, MA, 2006. См. рецензию М. Кемпера (*M. Kemper*) в: *Central Eurasian Reader. A Biennial Journal of Critical Bibliography and Epistemology of Central Eurasian Studies*. Berlin, 2008. Vol. 1. Pp. 157-160, а также рецензию А. Халида (*A. Khalid*) в *London Review of Books*. 2007. Vol. 29. No. 7. 24 May.

Российская империя – эпизод в истории Центральной Азии. Если русисты не видят и не чувствуют жизнь “местного” населения и заняты обсуждением вопроса, что такое империя, то востоковедов больше волнует проблема, каким образом ислам или любая другая “местная” культурная традиция выживала в условиях внешнего доминирования. Если русистов заботит вопрос, насколько Туркестан похож или не похож на другие окраины Российской империи, то востоковеды ищут параллели с регионами Ближнего Востока.

В книге “Центральная Азия в составе Российской империи” господствуют русисты, и даже “этнографизм” некоторых глав не спасает ситуацию.¹⁷ Преобладающий взгляд на регион почти исключительно с точки зрения русскоязычных источников и анализа российской политики не позволяет увидеть повседневную жизнь “местных” жителей – “туземцев” – в условиях колониального управления. В книге подробно рассказывается о разных проектах управления, освоения, завоевания, но очень мало о том, как эти проекты реализовывались на местах, как к ним относились те, кем “управляли” и кого завоёвывали, как сами “туземцы” относились к власти, к империи, к русским. В томе мало представлены “местные” интеллектуалы, их биографии, тексты, споры между собой. Если империя – это язык описаний и презентаций, то нужно было бы услышать все голоса в этом хоре, как они описывали и представляли себе империю и представляли ли хоть как-нибудь. Такой востоковедческий поворот отсутствует в книге, которую я редактировал, но, безусловно, необходим сегодняшним дебатам о колониальной Центральной Азии.

Многие зарубежные исследователи также работают в русистском дисциплинарном пространстве, даже если вместо понимания и оправдания империи они предлагают её критику. В данном случае меняется оценка, но фокус зрения остаётся прежним. Позиция же востоковедов, обращающихся к мыслям и чувствам колонизируемых, отчасти напоминает позицию национальной историографии, но с одной поправкой – востоковеды сами испытывают недоверие к нации как изобретению Запада и предпочитают больше говорить о “мусульманах” или по крайней мере о каких-то региональных сообществах.¹⁸

¹⁷ В этом смысле более сбалансированным, на мой взгляд, является том о Северном Кавказе, редактором которого выступил профессиональный востоковед Владимир Бобровников.

¹⁸ Я в данном случае не отождествляю востоковедов с саидовским ориентализмом. И русисты, и востоковеды одинаково болеют ориенталистскими предубеждениями.

Говоря в целом, такая историографическая ситуация, на мой взгляд, усиливает маргинальность центральноазиатской тематики. В русистских исследованиях она по-прежнему остаётся на периферии, что объясняется многими причинами – в частности, тем, что, как я говорил выше, Центральная Азия в российском самосознании всегда занимала не очень принципиальное место. Упомяну и сугубо организационную причину – многие архивы находятся не в самой России, а в независимых государствах, и доступ к ним по финансовым и даже по политическим причинам весьма ограничен. В востоковедческом “поле” регион тоже намного уступает более престижным исследованиям арабского Ближнего Востока, Османской империи или Персии. Востоковедам, приезжающим в Центральную Азию, недостаточно знать местные языки – тюркский или персидский, они вынуждены изучать русский язык. При этом специалисту по Центральной Азии сложнее найти постоянную работу, тогда как турецкие, арабские и персидские исследования, столетиями культивировавшиеся в Европе, имеют сложившуюся научную инфраструктуру.

Подводя итог, я мог бы сказать, что изданная серия “окраины Российской империи” – это вдохновляющая декларация нового подхода к изучению истории империи, но вовсе не идеальная демонстрация такового на практике. Это совсем не означает, что книги написаны в старой манере и не вносят ничего нового в российские дискуссии об империи. Вне всякого сомнения, появление серии – шаг к тому, чтобы преодолеть те тупики имперского и национального нарративов, которые очевидны сегодня вдумчивому историку. Но изданные тексты показывают, что путь к преодолению всех проблем и вопросов ещё вовсе не пройден и требуются новые усилия, новые дебаты, новые публикации и новые исследования, чтобы обозначить контуры “новой истории империи”.

SUMMARY

In his essay, Sergei Abashin shares reflections on the volume *Central Asia within the Russian Empire*. He compares this volume with other volumes published in the series *Borderlands of the Russian Empire*. Abashin observes that the task of writing histories of different regions of the Russian Empire according to a single plan has failed. The author contends that attempts

made in the series to overcome the influence of national narratives were unsuccessful. Proof that national narratives have crept into a new analytical framework is found in the fact that the volume was eventually titled *Central Asia*, despite the fact that the region had never constituted geographic or administrative unit prior to the twentieth century. Moreover, Abashin contends that putting all the borderlands of the Russian Empire into a single analytical framework conceals imperial diversity and inequitable relations between different borderlands and the imperial center. Though Central Asia briefly fascinated Dostoevsky and other champions of *mission civilisatrice*, it never occupied a place in governance and symbolic geography of imperial mind-scape similar to that of the Caucasus. At the same time, the efforts undertaken in the series to overcome the inertia of past imperial narratives, with their concomitant focus on the imperial center, led to a paradoxical situation in which the center did not merit a separate volume. Still, study of the history of diverse borderlands evokes the image of the center and judging by the various volumes of the series, the imperial center was perceived differently in different borderlands. Reflecting on the volume dedicated to Central Asia, Abashin observes that the period of entry (conquest and incorporation) of new territories into the Empire receives more scholarly attention than periods of ruling routine. This creates an imbalance in the historical analysis of colonialism and pushes historians to rely on the visionary designs of a short heroic period, thus missing the importance of the dissipation of these visions during the longer period of imperial routine. Abashin also describes other imbalances apparent in historical reconstructions of the steppe region and Turkestan, both of which (contrary to historical evidence) are usually taken together and thought of as homogenous colonial peripheries. In conclusion, Abashin defends the view of the steppe region and Turkestan as a peculiar borderland in the Russian Empire, based on a number of historical factors. More to the point, Abashin reminds the reader that the region of Central Asia appears to be a peculiar part of the Russian Empire because its study is contested between two hardly compatible traditions: historiography (or studies of Russian history) and Oriental Studies.